

ПИГМАЛИОН

1912, выдержки Дятловых от 30.01.2022, 1–6/144=96%

Бернард Шоу (а теперь еще и «красная Элен»), не принимающий фашизма, но принимающий леди Астор, принимающую фашизм... Как с этим-то быть? <<...>> Черчилль, создавший в 1929–1939 гг. серию очерков «Мои великие современники» о крупных политиках, военных деятелях и деятелях культуры своего времени, посвятил один из очерков Бернарду Шоу. Начинается этот очерк с признания Черчилля, что он испытал к Бернарду Шоу одну из самых первых своих антипатий. В ту пору Черчилль служил в Индии младшим офицером и был глубочайшим образом оскорблен статьей Шоу, написанной «в духе унижения и издевательства над британской армией по поводу какой-то небольшой войны...». Далее Черчилль делает интересные замечания по поводу обстоятельства, оказавшего влияние на становление Бернарда Шоу: «Его отдали в школу, знаменитую запретами на общение с детьми простолюдинов, это привело к появлению у него комплексов, от которых он так и не смог избавиться. Именно вследствие этого он решительно выступал против “искусственной морали”, против ручного конформизма аристократии — в общем, против того, что у Киплинга названо “разъевшейся душой вещью”. Когда Шоу, наконец, встал на ноги, то явился провозвестником бунта, разрушителем установившихся норм, веселым, вредным, буйным озорником, который задавал Сфинксу самые неудобные вопросы...» <...> А далее идет удивительная по беспощадности оценка: «Есть люди, которые следуют в жизни принципам, которые проповедают, но этого никак не скажешь о Бернарде Шоу. Мало кому удастся превзойти его в умении разделить принципы и жизнь. Его родина по духу — безусловно, Россия, его родина по рождению — свободная республика Ирландия, а живет он в спокойной Англии. Его губительные представления о жизни и обществе не имеют хождения в его доме и его обиходе. Он ведет респектабельную жизнь, далекую от его взрывоопасного воображения. Он насмехается над брачными клятвами, <...> но это не мешает ему состоять в благоразумном и счастливом браке. Он пользуется всеми льготами безответственного болтуна, разглагольствующего от рассвета до заката, но в то же время он выступает за отмену парламентаризма и установление железной диктатуры, первой жертвой которой рискует стать сам. Он мило болтает с ручными английскими социалистами и с видимым удовольствием рисуется на фоне улыбок таких персон, как Муссолини или Сталин. Не замечая собственного недомыслия, если не мошенничества — возможно, невольного, — он решительным тоном провозглашает необходимость равенства доходов, утверждая, что тот, кто получает больше другого, достоин осуждения... Однако, когда в бюджете Ллойд Джорджа была впервые сделана скромная попытка ввести специальный налог на богатых, никто не мог перекричать этого протестующего фабианца, тогда уже вполне обеспеченного».

Кудинова А. Е., «Поппер и другие — 8», газета «Суть времени» №150, 22.10.2015

1. Немецкий и испанский языки вполне доступны иностранцам, но английский недоступен даже англичанам.
2. Он, как мне кажется, вовсе не был недоброжелательным, скорее, я бы сказал, наоборот, но просто он не выносил дураков.
3. Пьеса столь интенсивно и нарочито дидактична и тема ее слывет столь сухой, что я с наслаждением сую ее в нос умникам, которые как попугаи твердят, что искусство ни в коем случае не должно быть дидактичным. Она льет воду на мою мельницу, подтверждая, что искусство иным и быть не должно.
4. А еще называется образованный! Все мои фиялочки копытами перемял.
5. Женщина, издающая такие омерзительные и убогие звуки, не имеет права сидеть где бы то ни было. Она вообще не имеет права жить. Не забывайте, что вы человеческое существо, наделенное душой и божественным даром членораздельной речи. Ваш родной язык — язык Шекспира, Мильтона и Библии. А вы тут сидите и квакаете, как простуженная лягушка.

6. Он один из тех энергичных людей науки, которые глубоко, даже страстно интересуются всем, что может служить предметом научного исследования, и в то же время равнодушны к себе и ближним, а заодно и к их чувствам.
7. Пафос этой жалкой фигурки, с ее наивным тщеславием и видом важной дамы, трогает Пикеринга, который и так уже выпрямился в кресле при появлении Миссис Пирс.
8. **Пикеринг:** (с добродушным упреком) А вам не приходит в голову, Хиггинс, что у девушки могут быть какие-то чувства?
9. **Хиггинс:** (критически осматривая ее) Нет, вряд ли. Во всяком случае, не такие, которые следовало бы принимать во внимание. (Весело.) Есть у вас какие-нибудь чувства, Элиза, а?
Элиза: У меня чувства такие, как у всех людей. **Хиггинс:** (задумчиво) Понимаете вы, Пикеринг, в чем трудность?
10. **Элиза:** Ну, а если приехала? Я что, не имею права на такси ездить, как все?
11. **Хиггинс:** В ее возрасте! Вздор! О будущем она успеет подумать тогда, когда впереди уже не будет будущего. Нет, Элиза, берите пример с этой леди: думайте о чужом будущем, но никогда не размышляйте о своем собственном. Думайте лучше о шоколаде и такси, о золоте и бриллиантах.
12. **Хиггинс:** Невозможно! Она решительно не способна понимать что бы то ни было. Да и вообще, кто из нас понимает, что делает? Мы бы никогда ничего не сделали, если бы понимали, что делаем.
13. **Хиггинс:** Что? Ах, вот вы о чем! Дело свято — можете быть спокойны. (Встает и объясняет.) Поймите, она ведь будет моей ученицей, а научить чему-нибудь можно лишь при условии, что личность ученика — священна. Я научил десятки американских миллионерш правильно говорить по-английски, а это самые красивые женщины в мире. Я человек закаленный. На уроке женщина для меня все равно что полено, и сам я не мужчина, а полено. Видите ли...
14. Разве в редкие минуты крайнего и справедливого возмущения.
15. **Миссис Пирс:** Еще сегодня утром, сэр, вы помянули этим словом свои ботинки, масло и хлеб.
Хиггинс: Вот как! Но это же просто метафора, вполне естественная в устах поэта.
16. он производит впечатление человека, которому одинаково чужды страх и совесть.
17. **Пикеринг:** Неужели вы начисто лишены моральных устоев? **Дулитл:** (откровенно) Я не могу позволить себе такую роскошь, хозяин. Да и вы не смогли бы, окажись вы в моей шкуре. Да и что тут особенного? Как, по-вашему, уж если Элизе перепало кой-что, почему бы и мне не попользоваться? А?
18. **Хиггинс:** (озабоченно) Право, не знаю, что и делать, Пикеринг. Дать этому типу хоть фартинг — с точки зрения морали равносильно преступлению. И в то же время я чувствую, что в его требованиях есть какая-то первобытная справедливость.
19. **Дулитл:** Зачем так говорить, хозяин? Вы на это дело взгляните с другой стороны. Кто я такой? Я вас спрашиваю: кто я такой? Я бедняк и человек недостойный, вот я кто. Вдумайтесь-ка, что это значит? А это значит, что буржуазная мораль не для таких, как я. Если я чего-нибудь захотел в этой жизни, мне твердят одно и то же — ты человек недостойный, тебе нельзя. А ведь нужды у меня такие же, как у самой предостойной вдовы, которая в одну неделю получает деньги с шести благотворительных обществ за смерть одного и того же мужа. Мне нужно не меньше, чем достойному, — мне нужно больше. У меня аппетит не хуже, чем у него, а пью я куда больше. Мне и развлечься надо, потому что я человек мыслящий. Мне и на людях побыть охота, и песню послушать, и музыку, когда на душе худо. А дерут с меня за все, как с достойного. Чем же она оборачивается, ваша буржуазная мораль? Да это же просто предлог, чтобы мне ни шиша не дать. Поэтому я и обращаюсь к вам как к джентльменам и прошу поступить со мной по-честному. Я ведь с вами играю начистоту — не притворяюсь достойным. Был я всю жизнь недостойным, таким и останусь. Мне это даже нравится, если хотите знать. Так неужели вы обманете человека и не дадите ему настоящую цену за его родную дочь, которую он в поте лица растил, кормил и одевал, пока она не стала достаточно взрослой, чтобы заинтересовать сразу двух джентльменов? Разве пять фунтов такая уж крупная сумма? Я спрашиваю вас и жду вашего решения.

20. Малость кутну со старухой, сам отведаду душу и другим заработать дам. А вам приятно будет знать, что деньги не выброшены на ветер. Да вы и сами их разумнее не истратите.
21. **Дулитл:** Не надо, хозяин: у старухи не хватит духу истратить десятку. Да и у меня, пожалуй, тоже. Десять фунтов — большие деньги; заведутся они, и человек становится расчетливым, а тогда прощай счастье! Нет, дайте мне столько, сколько я прошу, хозяин, — ни больше ни меньше.
22. **Хиггинс:** Пикеринг, если мы еще минуту послушаем этого человека, у нас не останется никаких убеждений.
23. **Элиза:** А верно, я как придурковатая выгляжу? **Хиггинс:** Придурковатая?
24. **Хиггинс:** Кроме того, заняв высокое положение, не следует забывать старых друзей. Мы это называем снобизмом.
25. Кроме того, все они дуры.
26. Мать — хорошо воспитанная, спокойная женщина, но чувствуется, что она находится в постоянном напряжении, как все люди с ограниченными средствами. Дочь усвоила светский тон девушки, постоянно бывающей в обществе: бравада прикрашенной бедности.
27. Ах, почему люди так редко бывают откровенны и говорят не то, что думают? **Хиггинс:** (мрачней) И слава богу!
28. **Хиггинс:** То, что, как люди полагают, они обязаны думать, видит бог, уже достаточно мерзко. А то, что они на самом деле думают, вообще ни в какие ворота не лезет. Вы полагаете, вам будет приятно, если я сейчас возьму и выложу все, что думаю на самом деле?
29. **Хиггинс:** Видите ли, все мы в той или иной мере дикари. Предполагается, что мы цивилизованны и культурны — разбираемся в поэзии, философии, науке, искусстве и прочее, и прочее. Но скажите, многие ли из нас знают, что представляют собой хотя бы одни эти названия? (К мисс Хилл.) Ну что вы, например, понимаете в поэзии? (К миссис Хилл.) Что вы знаете о науке? (Указывая на Фредди.) А вот он, что он смыслит в искусстве, науке и вообще в чем бы то ни было? А что я сам, черт побери, знаю о философии?
30. **Миссис Хиггинс:** (прерывая молчание) Как вы думаете, будет сегодня дождь? **Элиза:** Незначительная облачность, наблюдавшаяся в западной части Британских островов, постепенно захватит и восточные районы. Судя по барометру, существенных перемен в состоянии атмосферы не предвидится.
31. Вот, к примеру, человек совесть имеет, так трезвого она его ух как заедает, и он от этого на стенку лезет. А долбанет стаканчик-другой, горя как не бывало
32. **Миссис Хиггинс:** Ах, взрослые дети! Вы играете с куклой, но ведь она живая.
33. **Хиггинс:** Хороша игра! Поймите же, мама, я еще никогда в жизни не брался за такую трудную работу. Вы даже не представляете себе, как интересно взять человека, наделить его новой речью и с помощью этой речи сделать его совершенно иным. Ведь это значит уничтожить пропасть, разделяющую классы и души людей.
34. Ты дашь ей манеры и привычки светской дамы, которые лишат ее возможности зарабатывать на жизнь, но не дашь ей доходов светской дамы. И это ты называешь преимуществом?
35. Прием, званый обед и еще вдобавок опера! Слишком много удовольствий сразу.
36. Нет, Пикеринг, с меня довольно. Поддельных герцогинь я больше изготавливать не собираюсь. Вся эта история обернулась настоящей пыткой.
37. Видите ли, настоящие герцогини часто вовсе не умеют держать себя. Эти дуры воображают, что хорошие манеры свойственны им от природы, и не желают ничему учиться. Когда же человек делает что-то безукоризненно хорошо, в этом всегда чувствуется профессиональная выучка.
38. Послушайте, Элиза, ваше раздражение носит чисто субъективный характер.
39. **Элиза:** Не понимаю. Я слишком невежественна. **Хиггинс:** Вы все сами выдумали. Плохое настроение, и больше ничего. Никто вас не обижал, никто не собирается обижать.
40. Элиза упивается его раздражением, как нектаром, и обдумывает, как еще спровоцировать Хиггинса, чтобы продлить наслаждение.

41. **Дулитл:** Ничего себе шутка! Она меня доконала, ваша шутка! Он ведь только и дожидался случая показать, что американцы нам не чета. Они, мол, признают и уважают человека за его достоинства, а из какого он класса, им начхать, пусть хоть из самых подонков.
42. **Дулитл:** Да тут не о лекциях речь. Я и глазом не моргну, а буду себе читать им эти лекции, пока они на стенку не полезут. Я ведь против чего возражаю — против того, что из меня порядочного сделали. Кто его просил делать из меня порядочного? Жил я в свое удовольствие, был свободен как ветер, а когда хотел, мог из любого джентльмена денег вытянуть, вроде как из вас вытянул, Генри Хиггинс. Теперь я минуты покоя не знаю. Связан по рукам и ногам, и все, кому не лень, из меня деньги тянут.
43. Помню, когда я был бедняком, довелось мне раз иметь дело с адвокатом — оказалась, понимаете, в моем мусорном фургоне детская коляска. Так адвокат этот только и думал, как бы меня поскорее с рук сбить. И с докторами та же история — я еще на ногах не держусь, а меня уже норовят из больницы вышвырнуть. Так это мне хоть денег не стоило. А теперь доктора находят, что здоровье у меня слабое и я помру, если они ко мне по два раза на дню не будут заглядывать. Дома мне пальцем не дают шевельнуть: все за меня делают другие, а я за это денежки гони. Год назад у меня на всем белом свете было два-три родственника, да и те со мной знаться не хотели. А теперь их объявилось штук пятьдесят, и всем жить не на что.
44. Живи для других, а не для себя — вот она как обернулась, буржуазная-то мораль. Вы говорите, Элиза потерялась? Не беспокойтесь! Бьюсь об заклад, что она уже у моего подъезда торчит. А пока меня почтенным буржуа не сделали, она себе спокойно цветочки продавала и сама кормилась. Подходит день, когда и вы, Генри Хиггинс, начнете из меня деньги тянуть. Придется вам меня учить разговаривать по-буржуазному, просто по-человечески мне теперь говорить не положено. Вот тут-то ваш черед и подойдет. Я так думаю, что вы всю эту штуку для того и подстроили.
45. выходит — куда ни кинь, все клин: выбирать приходится между Скилией рабочего дома и Харбидией буржуазного класса, а выбрать рабочий дом рука не поднимается. Запуган я, мэм. Сдаться решил. Меня купили. Счастливы будут вывозить мой мусор и тянуть из меня на чай, а я буду смотреть на них и завидовать. И все это подстроил мне ваш сынок. (Смолкает от наплыва чувств.)
46. Честный вы человек или мошенник, Дулитл? **Дулитл:** (кратко) И того и другого есть понемногу. Как каждый из нас, Генри.
47. **Миссис Хиггинс:** Вот видите. Она привязалась к вам обоим. Она так старалась ради тебя, Генри! Ты даже представить себе не можешь, что значит для такой девушки умственная работа. Наконец наступает великий день. Она справляется с труднейшим испытанием без единого промаха, а вы возвращаетесь домой и, даже не замечая ее, начинаете рассказывать, как вам надоела вся эта история и как вы рады, что все наконец кончилось. И ты еще удивляешься, что она запустила в тебя туфлями? Я бы в тебя кочергой запустила!
48. **Миссис Хиггинс:** И вы не поблагодарили ее, не сказали ей ласкового слова, не похвалили ее за то, что она так блистательно справилась со своей задачей?
49. **Хиггинс:** Оставьте вы ее, мама. Пусть говорит сама за себя. Вы очень скоро убедитесь, что у нее нет ни одной своей мысли, ни одного своего слова — всему научил ее я. Повторяю вам, я создал ее из рыночных отбросов, а теперь эта гнилая капустная кочерыжка разыгрывает передо мной знатную леди.
50. **Пикеринг:** Но ведь у него это получается произвольно. Он не хотел вам плохого. **Элиза:** Вот и я произвольно делала то же самое, когда была цветочницей. Но все-таки делала — вот в чем беда.
51. **Элиза:** Знаю. И не виню его. Это у него получается произвольно, не правда ли? Но для меня было так важно, что вы этого не делали. Видите ли, разница между леди и цветочницей заключается не только в умении одеваться и правильно говорить — этому можно научить, и даже не в манере вести себя, а в том, как себя ведут с ними окружающие. С профессором Хиггинсом я навсегда останусь цветочницей, потому что он вел себя и будет вести себя со мной как с цветочницей. Но с вами я могу стать леди, потому что вы вели себя и будете вести себя со мной как с леди.

52. **Элиза:** Не могу. Раньше смогла бы, а теперь не могу. Ночью, когда я бродила по улицам, ко мне обратилась какая-то девушка. Я попробовала заговорить с ней по-старому, но у меня ничего не вышло. Помните, вы мне рассказывали, что, когда ребенок попадает в другую страну, он быстро начинает говорить на чужом языке и забывает свой. Я — такой ребенок в вашей стране. Я забыла свой родной язык и могу говорить только на вашем. Именно теперь, когда я ушла с Уимпол-стрит, я навсегда покончила с Тотенхэм-Корт-роуд.
53. **Дулитл:** Не бойся, теперь она больше ни с кем не лается. Как стала порядочной, так совсем духом пала.
54. Кстати, веду я себя несколько не хуже, чем полковник Пикеринг. **Элиза:** Неправда. Полковник Пикеринг ведет себя с цветочницей как с герцогиней. **Хиггинс:** А я с герцогиней — как с цветочницей. **Элиза:** Понятно. (Спокойно садится на тахту лицом к окну, отвернувшись от него.) Со всеми одинаково. **Хиггинс:** Совершенно верно. **Элиза:** Совсем как мой отец.
55. Вы знаете, в чем секрет, Элиза? Не в том, что человек ведет себя плохо, или хорошо, или еще как-нибудь, а в том, что он со всеми людьми ведет себя одинаково. Короче говоря, надо вести себя так, словно ты в раю, где нет пассажиров третьего класса и царит всеобщее равенство.
56. **Хиггинс:** (раздраженно) Дело не в том, что я груб с вами, а в том, что я никогда ни с кем и не бываю иным.
57. **Хиггинс:** (высокомерно) И обойдусь. Мне не нужен никто. У меня есть моя собственная душа, моя собственная искра божественного огня. (С неожиданным смирением.) Но мне будет недоставать вас, Элиза. (Садится рядом с ней.) Ваши идиотские представления о жизни многому меня научили — признаюсь покорно и с благодарностью. Кроме того, я привык к вашему голосу и к вашему виду, они мне даже нравятся.
58. **Элиза:** О, да вы настоящий дьявол! Вы умеете вывернуть душу, как другие выворачивают руку, чтобы поставить человека на колени. Миссис Пирс предупреждала меня. Сколько раз она собиралась от вас уйти, но в последнюю минуту вам всегда удавалось уломать ее. А ведь она вас несколько не интересуется, так же как не интересую вас я.
59. **Хиггинс:** Но меня интересуется человеческая природа и жизнь, а вы — частица этой жизни, которая встретила меня на пути и в которую я вложил свою душу. Чего еще вы хотите?
60. Вы много выиграли в моих глазах, когда запустили этими самыми туфлями мне в физиономию. Нечего сперва раболепствовать передо мной, а потом возмущаться, почему я не интересуюсь вами. А кто может интересоваться рабом? Если вы хотите вернуться, возвращайтесь ради настоящей дружбы. Другого не ждите. Вы и так получили от меня в тысячу раз больше, чем я от вас. А если вы посмеете сравнивать свои собачьи повадки — вроде таскания туфель — с тем, что я создал из вас герцогиню Элизу, то я просто захлопну дверь перед вашим глупым носом.
61. **Хиггинс:** Мир никогда бы не был сотворен, если бы творец его боялся кого-нибудь обеспокоить. Творить жизнь — значит причинять беспокойство. Есть один только путь избежать беспокойства: убийство. Вы заметили, трусы всегда требуют, чтобы беспокойных людей убивали?
62. **Элиза:** Ах, если бы я могла опять вернуться к моей корзине с цветами! Я бы не зависела ни от вас, ни от отца, ни от кого на свете! Зачем вы отняли у меня мою независимость? Зачем я пошла на это? А теперь я просто жалкая раба, несмотря на все свои красивые платья.
63. **Элиза:** Каждая девушка имеет право на любовь. **Хиггинс:** На чью любовь? Вот таких идиотов? **Элиза:** Фредди не идиот. А если он бедный и слабенький и я нужна ему, то, может быть, я буду с ним счастливее, чем с человеком, который стоит выше меня и которому я не нужна.
64. **Элиза:** А может быть, я сама могу что-нибудь сделать из него. Но я вообще никогда не задумывалась над тем, кто из кого будет что-то делать, а вы только об этом и думаете. Я хочу остаться такой, как я есть.
65. Я делала это потому, что нам было хорошо вместе, и я начала... я начала привязываться к вам... не в смысле любви или потому, что забыла разницу между нами, а так просто, по-дружески.

66. Если вам не под силу та напряженная, но чуждая страстей жизнь, которую веду я, — возвращайтесь обратно на дно. Гните спину до потери человеческого облика, потом, переругавшись со всеми, заползайте в угол и тяните виски, пока не заснете. Ах, хороша жизнь в канаве! Вот это настоящая жизнь, жаркая, неистовая — прошибет самую толстую кожу. Чтобы вкусить и познать ее, не нужно ни учиться, ни работать. Это вам не наука и литература, классическая музыка и философия или искусство. Вы находите, что я — бесчувственный эгоист, человек с рыбьей кровью, так ведь? Вот и прекрасно. Отправляйтесь к тем, кто вам по душе. Выходите замуж за какого-нибудь сентиментального борова с набитым кошельком. Пусть он целует вас толстыми губами и пинает толстыми подошвами. Не способны ценить, что имеете, так получайте то, что способны ценить.
67. **Элиза:** (в отчаянии) Вы злой, вы тиран, вы деспот! Я не могу с вами говорить — вы все обращаете против меня, и выходит, что я же во всем виновата. Но в душе-то вы понимаете, что вы просто мучитель, и больше ничего.
68. **Хиггинс:** Независимость! Это кощунственная мелкобуржуазная выдумка. Все мы, живые люди, зависим друг от друга.
69. Он выпускает ее, взбешенный тем, что забылся, и отшатывается так резко, что падает на тахту, на свое прежнее место.
70. Дальнейшие события показывать на сцене незачем, да, по правде говоря, незачем было бы и рассказывать о них, если бы не разленилось наше воображение; оно слишком привыкло полагаться на шаблоны и заготовки из лавки старьевщика, где Романтика держит про запас счастливые развязки, чтобы кстати и некстати приставлять их ко всем произведениям подряд. Итак, история Элизы Дулитл, хотя и названа романом из-за того, что описываемое преобразование кажется со стороны невероятным и неправдоподобным, на самом деле достаточно распространена. Такие преобразования происходят с сотнями целеустремленных честолюбивых молодых женщин с тех пор, как Нелл Гвин показала им пример, играя королей и очаровывая королей в том самом театре, где сперва продавала апельсины. Тем не менее самые разные люди полагают, что раз Элиза — героиня романа — изволь выходить замуж за героя. Это невыносимо. Прежде всего ее скромная драма будет испорчена, если играть пьесу, исходя из столь несообразного предположения, а кроме того, реальное продолжение очевидно всякому, кто хоть немного разбирается в человеческой природе вообще и в природе женской интуиции в частности.
71. И тут она руководствуется интуицией. Интуиция ей подсказывает не выходить за Хиггинса. Но она не велит ей отказаться от него совсем.
72. Коль скоро ее решение к нашей интуиции не взывает, давайте попробуем обосновать его с точки зрения разума.
73. Все это делает его ходячей загадкой для большинства людей с неразвитым вкусом, которых растили в безвкусных домах заурядные или несимпатичные родители и для которых поэтому литература, скульптура, музыка и нежные отношения нужны лишь как формы секса, если вообще нужны.
74. Элиза не признает дурацкого романтического традиционного представления о том, что всем женщинам нравится, чтобы ими повелевали, а то и в буквальном смысле силой принуждали к подчинению и били.
75. «Идешь к женщине — бери с собой плетку», — говорит Ницше. Здравомыслящие деспоты никогда не прилагали этот совет к женщинам: они брали с собой плетку, когда имели дело с мужчинами, и мужчины, над чьей головой она свистела, рабски их боготворили, в гораздо большей степени, чем женщины. Бесспорно, бывают не только мужчины, но и женщины, любящие покоряться: они, как и мужчины, восхищаются теми, кто сильнее их. Но восхищаться сильной личностью — одно, а жить у него или у нее под пятой — совсем другое. Слабые личности, быть может, и не вызывают восхищения и желания поклоняться, но зато они не вызывают и неприязни, от них не шарахаются, и они без малейших затруднений вступают в брак с теми, кто для них слишком хорош.
76. В таких нелегких обстоятельствах обычно оказываются люди не просто слабые, но к тому же еще глупые или тупые.

77. Отец ее, в прошлом мусорщик, совершил фантастический прыжок из одной общественной категории в другую и стал необычайно популярен в фешенебельном обществе благодаря своему демагогическому таланту, восторжествовавшему над всеми предрассудками и всеми невыгодами его положения.
78. Элиза поняла, что не сможет пойти против них в таком важном деле и что без согласия Хиггинса она не имеет права использовать полученные от него знания (не будучи коммунисткой, она считала знания такой же личной собственностью, как, например, часы
79. Короче говоря, она во всех отношениях была неудачницей — невежественная, ничего не умеющая, претенциозная, никому не нужная, отличающаяся снобизмом никчемная бесприданница.
80. И хотя сама она ни в коей мере не допускала наличия у себя этих недостатков (ни один человек не желает признавать неприятных истин в приложении к себе, пока ему не забрезжит свет другого способа существования), она ощущала их воздействие на свою жизнь слишком остро, чтобы быть удовлетворенной положением вещей.
81. Все-таки Галатее не до конца нравится Пигмалион: уж слишком богоподобную роль он играет в ее жизни, а это не очень-то приятно.

Конец текста